

СИТУАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ НАРРАТИВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. М. Корбут, А. А. Полонников

Введение

В последние годы все больший вес и влияние в гуманитарных исследованиях начинают приобретать так называемые нарративные методы, в том числе метод биографического интервью (*Розенталь, 2003; Трубина, 2001*). Однако чаще всего применение этих методов рассматривается как приложение каких-либо исследовательских принципов и техник к «сырым», собранным «в поле» данным. В контексте образования, например, принимается молчаливое допущение, что существует некоторая образовательная реальность (выражающаяся в речи, поведении, текстах участников учебного процесса), которую мы способны исследовать. И даже если учитывается возможность влияния исследователя на тот материал, с которым он имеет дело (эта проблема в особенности остро стоит в ситуации интервью), то это все же «влияние», т. е. воздействие исследователя на реальность исследуемого. Такого рода разделение реальностей стоит за многими попытками изучения образования нарративными методами, однако, на наш взгляд, оно само по себе уже является «достижением», продуктом специфической исследовательской активности, предпринимаемой в конкретной ситуации взаимодействия исследователя и исследуемого. Данная конкретная ситуация позволяет именно таким образом понимать и организовывать деятельность ее участников, но для этого она сама должна быть произведена в качестве исследовательской ситуации. Но как раз способ ее производства обычно остается вне поля зрения нарратологов. Предлагаемая статья преследует цель на примере метода биографического интервью проследить, каким образом в рамках нарративных исследований организуется и достигается определение ситуации как исследовательской, а также выявить и очертить возможности использования двух стратегически альтернативных подходов к пониманию этого определения — *репрезентативного* и *ситуационного*.

Статья основывается на данных проекта «Белорусский национальный гуманитарный лицей: эволюция в современном социокультурном кон-

тексте», осуществленного авторами в составе творческой группы в одном из лицеев г. Минска в 2003 г. Идея исследования состояла в том, чтобы посредством организации серии биографических интервью со студентами, преподавателями, представителями администрации лицея и последующего анализа стенограмм этих интервью раскрыть механизмы влияния образовательного процесса на формы и процедуры самоописаний его участников. Самоописаниям студентов и персонала лицея, в этой связи, приписывалась определенная информативность: предполагалось, что они способны пролить свет на процессы самоидентификации индивида. Идентичность в такой перспективе рассматривалась как нарративная категория, т. е. как результат определенным образом структурированного повествования о своих жизненных обстоятельствах.

В ходе сбора материала и его анализа в исследовательской группе возникла дискуссия, касающаяся выбора метода нарративного анализа результатов интервью. Было обнаружено, что имеющиеся стратегии изучения биографических нарративов содержат несколько несовпадающих возможностей, связанных со взглядами на проблему конструирования идентичности исследователя и биографа, особенностями применения технических процедур, принципами описания и интерпретации полученного в ходе интервью эмпирического материала. Для спецификации этих возможностей мы воспользовались идеей С. Уортама (*Wortham, 2001*), который предлагает выделять в рамках нарративного анализа две основные стратегии: репрезентативную и интерактивную. Мы выяснили, что альтернативность этих стратегий обнаруживается не только на уровне анализа результатов биографических интервью, но и на уровне самой организации взаимодействий исследователя и исследуемого в целом. Более того, принципиальное различие между ними состоит в понимании связи между ситуацией взаимодействия и его продуктами. Если в рамках репрезентативной стратегии одно более-менее жестко отделяется от другого, то для интерактивного подхода важна непосредственная связь одного и другого. Наша первоначальная ориентация в проведении и анализе биографического интервью была репрезентативной (в том ее варианте, который сформулирован в работах Г. Розенталя), но в дальнейшем мы обратились к интерактивному подходу (в его радикальной версии), который позволяет обнаруживать, с одной стороны, аспекты социальной реальности, остающиеся обычно за рамками внимания исследователей, но играющие ключевую роль в организации самой ситуации исследования, и, с другой стороны, новый способ понимания взаимосвязей между тем, т. е. то, что традиционно называют практикой и теорией исследования.

В предлагаемой статье мы попытаемся рассмотреть особенности репрезентативного и интерактивного подходов в конструировании исследовательской ситуации в нарративных исследованиях, опишем основные характеристики интерактивного подхода, названного нами радикально-ситуационным, и продемонстрируем на материале конкретного биографического интервью возможности применения этого подхода для обнаружения тех практических составляющих исследовательской ситуации, которые обычно остаются вне поля зрения аналитиков.

Репрезентативная и интерактивная модели

Первичное определение теоретических оснований нашего анализа мы произведем с помощью различения, введенного Стэнтоном Уортомом, который выделяет в исследованиях биографических нарративов две модели: «репрезентативную» и «интерактивную» (*Wortham, 2001, 5–8*).

В основе *репрезентативной модели* лежит идея *выражения* в речи внутренних состояний, черт личности или исторических событий, организованных в виде повествования согласно сложившейся у данного человека в течение жизни индивидуальной системе интерпретаций. Нарративный анализ материалов биографического интервью представляет собой в этом случае специфическую реконструкцию данной системы индивидуальных предпочтений с последующим их профессиональным толкованием. Особое значение при этом имеет некая целостная картина жизни, в контексте которой приобретает смысл каждая отдельная черта жизненной истории. По существу, мы имеем дело с разновидностью социальной герменевтики, широко применяемой в самых разных, в том числе не исследовательских, практиках, например, в психотерапии.

Репрезентативная модель *субъект-центрирована*, т. е. ориентирует анализ на индивида и структуры его внутреннего мира. Акцент в ней чаще всего ставится «не на фактической точности конструируемой истории, а на значении, которое она имеет для респондента» (*Dhunpath, 2000, 545*). Субъективная речевая конструкция в этом подходе рассматривается, прежде всего, как результат индивидуальных усилий, направленных на упорядочение фактов сознания. «Люди организуют свои личные биографии и понимают их посредством историй, которые они создают для объяснения и оправдания своего жизненного опыта» (*Richardson, 1990, 124*). Нарратив, в данном случае, — это особый вербальный продукт, который выступает следствием использования субъектом доступных культурных ресурсов, являющихся по отношению к актуальной ситуации внеситуативными. С помощью этих ресурсов он объясняет собственную

жизнь и свое место в ней, а также устанавливает внутренние связи между эпизодами жизни, позволяющие создавать непротиворечивый и последовательный образ собственной идентичности. «Благодаря рассказыванию другим и себе своей жизненной истории, — пишет Г. Розенталь, — разрывы в жизни и их появление становятся понятными и допустимыми для себя и для других» (*Rosenthal, 1997, 22*).

В некоторых «мягких» версиях репрезентативно ориентированного нарративного анализа подчеркивается значимость актуальной ситуации для человека, повествующего о своей жизни. В них, как правило, фактором ситуации исследования, оказывающим воздействие на говорящего, становится присутствие другого человека (собеседника, исследователя), которое влияет на то, какие конструктивы будет выбирать нарратор для построения автобиографического рассказа. Однако «другой» здесь выступает, скорее, как адресат, средство или фасилитатор процесса выражения, а не как активный соавтор создаваемого нарратива.

Определенный учет особенностей ситуации можно обнаружить в тех исследованиях, в которых рассказ нарратора представлен не как индивидуальное, а как индивидуально-ответное произведение. «Истории... обнаруживают то, каким образом события и другие акторы воздействуют на рассказчика, определяя его возможности, его способ восприятия себя и окружающего мира» (*Mattingly, 2000, 6*). Однако и здесь речь идет не о взаимодействии нарратора и исследователя, не о совместно создаваемом тексте, а об особенностях структуры текста, отношениях персонажей рассказа. Рассказ драматизируется и диалогизируется, оставаясь при этом подструктурой описания биографа; исследователь же только влияет на общий контекст рассказа, оставаясь в позиции «наблюдающего». Реальность интервьюера и реальность интервьюируемого разделяются, и их общая ситуация изначально определяется через это разделение.

Более радикальные версии репрезентативного подхода вообще исключают ситуацию исследования из области своих интересов, поскольку она, как предполагается, не релевантна для действий, предпринимаемых участниками текущих интеракций. Исследовательскую ситуацию предлагается использовать «как контекст, в котором ресурсы и практики извлекаются и используются, но не создаются... Более того, нет достаточных причин полагать, — считают приверженцы данной позиции, — что наблюдаемые ресурсы являются исключительно продуктом ситуации интервью. Любую ситуацию можно описать множеством способов, и непохоже, что ее характеристика (особенно если учесть ее происхождение из дискурса социальных наук) как “ситуации интервью” имеет какое-либо значение для участников» (*Widdicombe, 1993, 108–109*).

Однако при всех различиях внутри репрезентативного подхода, у него есть тем не менее одна характеристика, которая позволяет рассматривать его как относительно однородное поле. Эта характеристика связана с особым отношением к ситуации исследования. Ситуация, в которой предпринимается исследование, *изначально* понимается как таковая, как *исследовательская* ситуация. Даже если присутствует внимание к способу ее организации, это, как правило, диктуется стремлением достичь большей точности, или объективности, или последовательности происходящего. Но *что* и *как* делает эту ситуацию исследовательской, а не какой-либо иной — этот вопрос не анализируется. В то же время можно предположить, что определение ситуации как исследовательской играет важную (если не ключевую) роль для всех ее участников. Основываясь на этом допущении, мы можем увидеть, например, как в ходе интервью респондент и интервьюер в равной степени ориентируются на такое определение происходящего, производят это определение, направляют усилия на его поддержание, модификацию, вопрошание и т. д. Все эти особенности, выпадающие из поля зрения приверженцев репрезентативного подхода, составляют предмет анализа в рамках интерактивной традиции нарративных исследований.

В отличие от репрезентативного, *интерактивный подход* рассматривает нарративы как коммунальное произведение взаимодействующих в ходе исследования акторов. Нарратив — это не выражение, скорее, это *организация*. В рамках данного подхода аналитик имеет дело не столько с «рассказанным событием», сколько с «событием рассказывания» (Wortham, 2001, 19). В результате предмет исследования начинает определяться не как структура «индивидуального» выражения, а как диалогический феномен, особое событие коммуникации исследователя и исследуемого, в котором текст рассказа не имеет самодостаточного значения. «Интеракционные соображения, — пишут по этому поводу Уиддикомб и Вуффит, — воздействуют на саму композицию производимых людьми высказываний, которые, в свою очередь, становятся “текстом”, анализируемым дискурс-аналитиками» (Widdicombe, 1995, 64). В то же время текст, который является предметом разбора нарративного аналитика, — не просто эффект ситуации, он является способом ее упорядочивания, приведения к определенной форме. Отбор высказываний, их выстраивание, изменение, уточнение и пр. — все это методы, с помощью которых рассказчик привносит во взаимодействие ориентиры, которые, с одной стороны, соотносятся с предшествующим ходом коммуникации и, с другой, — должны эту коммуникацию направлять в то или иное русло согласно выстраиваемому определению ситуации.

Таким образом, интеракционистская ориентация делает акцент не на реконструкции концепции жизни рассказчика, особенностях его индивидуальности или жизненных событиях. Тексты анализируются «с целью выявления культурно-специфических дискурсивных ресурсов, которые были использованы для производства конкретного описания “реальности”» (Malson, 2000, 153). Предметом анализа становятся речевые акты участников исследования, взаимообмен между ними, позиционная динамика в ходе интервью.

Но при анализе интерактивной перспективы мы так же не должны забывать о ее неоднородности. Одна из разделительных линий может быть проведена между способами понимания интеракции. Так, в более «мягких» формах нарративного анализа взаимодействие описывается как выражение внутренних состояний участников коммуникации, и характер этого взаимодействия всегда несет на себе отпечаток их субъективности. Лавлор и Маттинли, в частности, считают, что «истории раскрывают сложные мотивы, которые побуждают индивидов действовать определенным образом. Кроме того, они выявляют ограничения среды, телесности, социальных контекстов, которые сужают для индивидов возможности действия» (Lawlor, 2000, 6). То есть интеракция по своему устройству субъект-центрирована, хотя и позиционно индивидуализирована.

Другое крыло («радикальное») интерактивных исследований, которое мы называем *ситуационным подходом*, акцентирует тот момент, что исследовательская ситуация является не столько «сценой», на которой разворачивается взаимодействие различных субъективностей, сколько *продуктом* их совместных усилий, направленных на организацию происходящего специфическим образом. Субъективные мотивы, желания, цели и т. д. участников взаимодействия становятся не столько условием коммуникации, сколько одним из ее ресурсов, конструируемых здесь и теперь. Эти субъективные мотивы и цели составляют элемент совместной координации действий участников ситуации и потому представляют собой дискурсивные конструкции, призванные некоторым образом сориентировать коммуникацию и интерпретируемые всеми акторами действия. Та идентичность, которая производится в актуальной ситуации в качестве особой дискурсивной конструкции, может быть описана, например, согласно Циммерману, как трехчленная структура, включающая три идентичности: ситуационную, дискурсивную и переходную. Дискурсивная идентичность использует ближайший контекст и трансмиссию высказываний в ходе непосредственного взаимодействия; ситуационная опирается на отдаленный контекст и влияющие на коммуникацию внеситуативные цели; переходная ведет к «связыванию ближайшего и удаленного контекстов действия» (Zimmerman, 1998, 88). Три указанные коммуника-

тивные образования представляют собой специфические речевые жанры, обладающие определенной принудительностью для использующих их индивидов. «Например, при установлении тем для дискуссии, участник может задать вопрос, направленный на некоторый аспект ситуативной идентичности другого участника, тем самым приглашая отвечающего выбрать определенное направление разговора, что реципиент может принять или отклонить» (*Zimmerman*, 1998, 92).

Занимая эту точку зрения, мы начинаем трактовать событие интервью как экстраординарное взаимодействие, отличное от повседневных интеракций и потому требующее нахождения особых способов его реализации. Радикальная трактовка интерактивного подхода вынуждает исследователя привлекать для интерпретации и анализа материалов нарративного исследования ситуативный контекст интервью. «Контекст, — пишет Свидлер, — это структурная особенность, с которой должны соотноситься социальные акторы, в данном случае — рассказчики» (*Swidler*, 2000, 566–567). С этой точки зрения границы ситуации интервью создают особое пространство взаимодействия, которое сложным образом связано с другими интерактивными пространствами индивидов. При такой постановке возникают серьезные сомнения в допустимости экстраполяции выводов, полученных в исследовательском взаимодействии, на ситуации за пределами конкретного биографического интервью.

Наконец, важно указать на принципиальное расхождение репрезентативного и интерактивного подходов в исходных допущениях, касающихся особенностей вовлечения текста биографического интервью. Репрезентативная модель, как правило, полагает рассказываемый текст конечной реальностью, значимой самой по себе, в своих структурных особенностях и внутреннем строении. В интерактивной же модели тексты призваны прежде всего решать такие задачи, как поддержание осмысленности и когерентности социальной жизни, кооперацию индивидов, создание дистанции и т. д. С этой точки зрения «история — это не просто история. Это ситуативное действие, перформанс, вызывающий иллюкативные эффекты. Она создает, поддерживает или изменяет миры социальных отношений» (*Gergen*, 1999, 247).

В дальнейшем мы постараемся более точно указать на особенности радикально-ситуационного подхода в нарративных исследованиях, а также на то, как эти особенности сказываются на анализе результатов биографического интервью. Основной акцент при этом будет делаться на включении «ситуации» не только как аналитической единицы, объяснительного принципа, но и на специфической трактовке самой ситуации исследования как продукта актуальной коммуникации и предмета коммуникативного взаимодействия интервьюера и нарратора.

Ситуационное действие как действие с ситуацией

Исходным моментом в ситуационном анализе материалов биографического нарративного исследования является общая политика отношения к ситуации интервью как к предельной рамке, локальной целостной структуре, которая отделяется от других жизненных пространств особым набором организационных действий и связей и создает, тем самым, свой специфический микрокультурный ландшафт. Это значит, что внутри повседневной жизни (жизненного мира по Гуссерлю) конструируется (и коммуникативно поддерживается) локальная зона — фрейм (Гофман) «ситуация интервью». Правила ее функционирования, насколько бы они не были заранее согласованы интервьюером и интервьюируемым, всегда требуют дальнейших прояснений и уточнений. Ситуация интервью представляет собой зону неопределенных значений, схем, образцов поведения и т. д., и перед ее участниками стоит задача упорядочивания этой ситуации путем взаимной координации действий в целях создания «ситуации интервью».

В контексте «ситуации интервью» высказывание нарратора выступает не как отражение интервьюируемым событий прошлой жизни в перспективе сегодняшнего дня (хотя, несомненно, жизненный материал вовлекается рассказчиком в свое повествование), а как ориентированное на саму ситуацию и лишь затем на другого специально создаваемое текстуальное целое. Определенное прочтение акторами ситуации взаимодействия требует от них актуализации тех или иных способов действия и структур субъективации. Эти структуры получают свою форму исключительно в контексте созданной (создаваемой) ситуации. Стремление вести отсчет от личностных характеристик участников может привести к тому, что от нас ускользнет «значение того или иного исполнения для взаимодействия как целого» (Гофман, 2000, 112). Подчеркнем еще раз: наблюдаемое в ситуации интервью не является выражением неких «внутренних» психологических детерминант, не выступает эманацией структур бессознательного или интеллектуально-когнитивных образов ситуации. Мы рассматриваем происходящее в интервью как публично ориентированное социальное действие, реализуемое посредством осуществляемых участниками коммуникативных актов, которые, в свою очередь, являются реакцией на целостное проспективно-ретроспективное схватывание этими участниками всей ситуации присутствия.

Подчеркнем еще раз это важнейшее методологическое положение: в основе ситуационного анализа лежит понимание активностей участников исследовательской ситуации как *ситуационных действий*, которые на-

правлены не столько на партнера по взаимодействию или его высказывание, сколько на целое — определение ситуации. Даже в тех случаях, когда действие выглядит как непосредственное, аналитик стремится рассматривать его в контексте целостного ситуационного определения: «...каждый случай осмысленного действия следует объяснять отдельно, в соответствии специфическими, локальными, случайными детерминантами значимости» (*Suchman*, 1987, 67).

Поскольку «действие» — довольно популярная категория в гуманитарных исследованиях, нам необходимо уточнить то значение, в котором мы используем его в данной работе.

Прежде всего, необходимо отделить наше понимание от распространенной психологической концепции действия как структурной «составляющей» деятельности, служащей достижению сознательных целей и реализации мотивов в предметных преобразованиях окружающего мира (*Леонтьев*, 1979, 153). В этом случае «деятельность» выполняет для действия функцию объемлющей системы, ассимилируя «действие» в качестве своей подчиненной части. Такой взгляд кажется неадекватным нашему рассмотрению по нескольким причинам. Во-первых, подобным образом понятое действие обнаруживает свой исток в психологических предпосылках, что как раз составляет предмет критики в рамках радикально ситуационистского подхода, в котором психологические аспекты понимаются скорее как производные от особенностей социальной ситуации или даже как формы ее организации. Во-вторых, онтология деятельности центрирует ситуацию на сознании целеполагающего индивида, действующего согласно индивидуальным представлениям о ситуации, что не позволяет использовать коммунальные механизмы производства ситуации в основополагающем качестве. Наконец, в-третьих, ситуация рассматривается здесь как совокупность внешних объективных условий, в отношении которых действие может быть только соответствующим или не соответствующим, что препятствует пониманию ситуации как продукта и совместной упорядоченной конструкции участников исследовательских отношений. В принятой нами перспективе «объективность» ситуации — это результат, а не условие осуществляемых взаимодействий, и в этом отношении она постоянно определяется и переопределяется.

Еще один подход к пониманию категории «действие» можно найти в концепции Жана Пиаже. В его теории не только происходит привязка действия к когнитивным предпосылкам (что позволяет нам применить к нему те же критические соображения, что и в случае схематизаций А. Н. Леонтьева), но и вводятся ограничения на использование категории

«ситуация». Эти ограничения обусловлены методологическим постулатом Пиаже, согласно которому действия и их системы выполняют адаптационную функцию по отношению к среде: «Начиная с наиболее элементарных сенсомоторных действий... и кончая наиболее изощренными интеллектуальными операциями, которые суть интериоризированные действия, осуществляемые в уме... познание постоянно связано с действиями или операциями, т. е. с *трансформациями*» (Пиаже, 2001, 107). С этой точки зрения ситуация взаимодействия может быть рассмотрена как психологическая конструкция, возникающая между индивидом и внешним миром и являющаяся следствием этого взаимодействия. Ситуация в теории Пиаже редуцируется до индивидуальной гносеологической категории.

В целом, по поводу позиций А. Н. Леонтьева и Ж. Пиаже мы можем сказать, что трактовка действия, содержащаяся в данных подходах, обусловлена конструктивистскими предпосылками, в основе которых лежит стремление психологизировать и индивидуализировать действие, что вводит существенные ограничения на возможности понимания действия как действия с самой ситуацией. Эти ограничения связаны с «объективностью» ситуации у Леонтьева и «вторичностью» и производностью ее от интеллектуальных условий у Пиаже.

Бихевиоральные трактовки действия избавлены от «сознательных» и когнитивных коннотаций, однако им, как и рассмотренным выше моделям действия, свойственна индивидуализирующее стремление и объектная ориентированность. Для бихевиористов (по крайней мере это можно сказать о Уотсоне) «ситуация» или «стимул» — лишь предшествующий фактор, причина акта (Уотсон, 1998, 263). Исследователь трансцендентен изучаемой ситуации, она для него не более, чем автономный объект, который атрибутирован испытуемому в качестве его индивидуальной собственности.

Иной полюс понимания активности образуют различные социологические теории действия, наиболее заметными среди которых являются концепции М. Вебера и Т. Парсонса. Вебер, как основатель «понимающей социологии», дает следующее определение действия: «“Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*» (Вебер, 1990, 602–603). Смысл, в свою очередь, имеет два значения: 1) смысл, *действительно* предполагаемый; 2) смысл, *гипотетически* предполагаемый (Вебер, 1990, 603), но в любом случае этот смысл является смыслом, субъектив-

но задаваемым и предшествующим действию. Иными словами, мы должны реконструировать этот смысл (вне зависимости от того, есть он реально или его нет) в качестве предварительного условия действия, т. е. как переменную, независимую от ситуации ее реализации. По отношению к конкретному действию исследователь должен построить его идеальный, рациональный тип, а затем уже рассмотреть конкретные особенности осуществления действия в качестве искажений этого типа. Ситуация должна быть лишь помехой (пусть даже необходимой), но не принципом объяснения действия.

В отличие от Вебера, Парсонс в своем определении действия учитывает ситуацию его осуществления. Однако он, как и Вебер, исходит из целевого полагания действия, для которого ситуация выступает лишь в двух ипостасях: как *условия* (неподконтрольные актору элементы ситуации) и как *средства* (подконтрольные актору элементы) (Парсонс, 2000, 95). Цели (каково бы ни было их происхождение — индивидуальное или социальное) в этом смысле устанавливаются вне ситуации, в которой они достигаются. Тем самым действие учитывает ситуацию, но не составляет ее. Актор ориентируется не на ситуацию в целом, а на достижение собственных целей, сообразно с которыми оценивается имеющаяся ситуация. Таким образом, для Парсонса действие отделено от ситуации и поэтому сам способ его осуществления, то, как оно определяет ситуацию и определяется ей, как оно включено в цепочку взаимно скоординированных действий, как оно вносит смысл и цель в ситуацию, — все эти моменты отходят на второй план.

Рассмотренные нами психологические и социологические интерпретации понятий «действие» обнаруживают свою ограниченность, если мы переходим к анализу интеракций, в частности, в рамках биографического интервью. В этом отношении нам необходимо более ситуационно ориентированная концепция действия, которая бы не просто анализировала ситуацию как условие действия, а в некотором смысле отождествляла одно и другое. Такого рода подход можно найти в теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса, в этнометодологии Гарольда Гарфинкеля и в драматургической концепции действия Ирвинга Гофмана.

В своей теории коммуникативного действия Ю. Хабермас делает акцент на отношении между агентом действия и его окружением. При этом действие для него — это не телеологический акт, когда индивид ставит сознательные цели и производит рациональный отбор средств и процедур достижения необходимых результатов, а прежде всего «драматургическое действие», в центре которого лежит «самопрезентация» (Habermas, 1984, 9). Актор выполняет действия, рассчитанные на определенный

социальный эффект — производство необходимого здесь и теперь впечатления. Кроме этого, другой важнейшей характеристикой ситуационного действия выступает его ориентация не на «истинность», «целевую эффективность», а на правило. То есть действие определяется не когнитивным смыслом, а нормативным, когда участники взаимодействия «имеют право ожидать определенного поведения» (*Habermas*, 1984, 85). При этом ожидания связываются не столько с отдельными действиями как таковыми, сколько с оценкой целостной ситуации взаимодействия как «правильной» (соответствующей правилам). Ощущение того, что что-то происходит «не так», — важный показатель рассогласования в определениях ситуации ее участниками. Подчеркнем еще раз: действия по определению ситуации не являются целерациональными или телеологическими актами. Мы имеем в этом случае тот тип коммуникативного поведения, когда действия носят характер взаимных проб, координаций, динамичных подстроек, вызывающих системный эффект — ситуацию. И это не просто действия как элемент (подструктура) ситуации, а действия-ситуации, реализующие целостное, неразрывное отношение. То есть действие в данном случае и есть ситуация, причем непрерывно творимая в актах определения и переопределения. Текучесть, делаемость, конструируемость ситуации составляет не внешнее условие анализа, а его принцип.

Для этнометодологической традиции характерно отношение к действию как, с одной стороны, ситуативному (индексному) по своей функции и, с другой стороны, упорядоченному и упорядочивающему ситуацию (*Lynch*, 1993, 14–22). Скорее, не действия разворачиваются в конкретной ситуации, а конкретная ситуация всегда разворачивается в действиях, в результате чего достигается и поддерживается специфический порядок. Хотя в этнометодологии нет эксплицитной концепции действия, тем не менее, в политиках этнометодологических исследований действие понимается как никогда не завершающееся делание, работа по установлению социального порядка, всегда имеющего форму локальной ситуации. Любое действие ориентировано на локальную ситуацию как свой продукт, свое условие и принцип своей осмысленности.

В подходе И. Гофмана развивается идея описания человеческого взаимодействия в терминах «социальной драматургии». Речь идет о принципах анализа микросоциального взаимодействия (лицом к лицу), когда порядок этого взаимодействия диктуется задачей представления себя некоторой (реальной или вымышленной) аудитории. Важнейший элемент такого представления — ожидания и оценки других, на основании и с учетом которых участники взаимодействия реализуют свою активность. При этом следует отметить, что само представление строится

не на интеракциях целостных субстанционально организованных личностей, а на экспозициях сценических персонажей, ролях, что позволяет рассматривать данную ситуацию в «изобразительном» качестве как игру особого типа. В последующем изложении мы конкретизируем отдельные методологические положения И. Гофмана на материале анализа биографического интервью. Здесь же лишь перечислим некоторые общие положения его теории «представления себя другим», которые позволят нам более точно наметить линии анализа транскрипта биографического интервью. Итак, человек, представляющий себя другим (в нашем случае это и нарратор, и нарративный исследователь), будет стремиться:

- внушать другим высокое мнение о себе;
- достигать гармоничных отношений с другими;
- контролировать поведение других, особенно их реакции на его действия (Гофман, 2000, 35).

Помещение в центр аналитического рассмотрения взаимодействия, опосредованного особой производящей ситуацией активностью, позволяет нам сделать еще одно важное для нашего исследования уточнение. Теперь в фокусе рассмотрения оказываются те интеракции, которые характеризуются «разрывами», нетипичностью, обнаруживают коммуникативные сбои или странное поведение участников. Мы полагаем, что именно в этих аномальных моментах коммуникации обнаруживает себя активность действующих лиц по отношению к тому или иному типу ситуационного порядка. Исходным здесь выступает теоретическое положение С. Московичи, согласно которому «любое отклонение от обычного... создает добавочный смысл и приводит в действие поиск значений и объяснений того, что нас поражает как странное и беспокоящее» (Московичи, 1995, 9). Или, иными словами, аномалия в определении «действительного положения вещей» вызывает к жизни коммуникативную активность агентов ситуации по ее нормализации. Этот же феномен был использован Г. Гарфинкелем для демонстрации того, как нарушения привычного, само собой разумеющегося хода повседневных коммуникаций могут обнаружить молчаливые определения ситуации, которые до этого «незаметно» реализовывались ее участниками (Гарфинкель, 2002). Поэтому рассогласования в определении ситуации должны обнаруживать себя в «патологиях» коммуникативных процессов, ненормальном (с точки зрения коммуникантов) характере их осуществления. К такого рода «аномалиям» принадлежат ответы не на «те» вопросы, излишняя эмоциональность акторов, односложные или излишне подробные ответы, сбивчивые высказывания и контрастирующие микронарративы, прямое давление на собеседника, излишне проясняющие вопросы или пространные, информационно избыточные объяснения.

Ниже мы попытаемся применить анализ с позиции ситуативного понимания действия к материалам одного из проведенных нами биографических интервью. В центре внимания будет не то, как взаимодействующие субъекты оказывают влияние друг на друга, а способы совместного формулирования и согласования ими определения текущей ситуации. Ситуация взаимодействия, в этом отношении, обнаруживает некоторую специфическую, локальную логику, по которой действуют ее участники и которая не сводится к их субъективным намерениям, к широкому культурному контексту или к объективным обстоятельствам.

Ситуационная логика биографического представления

Сначала сделаем несколько предварительных замечаний.

Анализируемая нами далее исследовательская ситуация начала строиться задолго до зафиксированной в протоколе нарративного интервью встречи. В ходе предварительных переговоров нарратолога и нарратора была оговорена форма, время и место интервью. Будущая ситуация получила имя и в целом определила поле взаимных предвосхищений. Решающим в этом определении была обыденная интерпретация ситуации интервью как *«последовательных ответов на последовательно задаваемые вопросы»*. Правила так понимаемой ситуации интервью предполагают, что отвечающий будет обладать специфической компетентностью, т. е. окажется экспертом в тех областях, которые определяются темой интервью. Из этого следует, что первоначально нарратор будет стараться удерживать «экспертную высоту», тратить значительный коммуникативный ресурс на ее утверждение, обнаруживать компетентность во всех подходящих для этого случаях в ходе встречи. При этом мы должны понимать, что исполнение роли нарратора побуждает респондента соответствовать, прежде всего, «выражению характеристик исполняемой задачи, а не характеристик исполнителя» (Гофман, 2000, 112). С другой стороны, интервьюер будет восприниматься участниками взаимодействия в роли организатора: он задает тему, выбирает и уточняет вопросы, оценивает ответы респондента согласно тому, подходят они под категорию ответа или нет, и если нет, то ему «предписано» свидетельствовать о результатах своих оценок посредством новых вопросов или, например, паралингвистически. Таким образом, еще до начала непосредственной коммуникации ситуация уже первично определена, и поэтому дальнейшие взаимодействия будут отталкиваться от того, как это определение изначально организовано и реализовано.

Перейдем теперь к анализу протокола биографического интервью. Начнем с исходного определения ситуации взаимодействия.

Первый вопрос исследователя подтвердил заданную предварительными переговорами дефиницию ситуации интервью, сделал ее легитимной.

Исследователь: Итак, э... зараз я задам Вам пытанне... і буду рабіць нейкія паметкі для сябе, а тады, калі Вы скончыце Ваш расказ, я задам Вам некалькі пытанняў. Добра? Респондент: Добра.

Как мы можем видеть, интервьюер не только устанавливает порядок коммуникативной ситуации, но и устанавливает его определенным образом, подтверждая вопрос-ответную форму организации процедуры взаимодействия. Вдобавок, интервьюер, сообщая о том, что он будет вести записи, подтверждает значимость дальнейших слов респондента, его «экспертность». Посредством первого высказывания организуется структура ситуации: распределяются способы поведения, описывается схема взаимодействия, указываются формы активности его участников, при этом ключевую роль для нашего анализа играет не столько содержание фразы, сколько ее функция. Исследователь дает знать интервьюеру о сфере своей управленческой ответственности, о том, что именно он «следит» за формой происходящего, именно он создает ситуацию и в этом отношении оценивает промежуточные результаты, ведет к намеченной цели. Интервьюер демонстрирует, что определение ситуации имеет нормативный аналог, в соответствии с которым и будет пониматься все последующее. Вопрос, который он задает, и ответ респондента не рассматривается участниками диалога в качестве первого акта интервью. Скорее и сам вопрос и ответ на него воспринимается как предварительный взаимообмен. По крайней мере, у нас нет свидетельств того, что участники взаимодействия на этом шаге мобилизуют дополнительные коммуникативные ресурсы для установления взаимоприемлемого порядка. Однако произошедшее нельзя и недооценивать в его фундаментальной для исследовательской ситуации функции. Теперь все остальные фигуры общения будут строиться с учетом произошедшей координации.

Далее по протоколу интервью мы можем наблюдать, как «внутри» данного базового определения ситуации в качестве «ситуации интервью» разворачивается новая ситуация, образованная вопросом интервьюера, функция которого состояла, опять же, не в сообщении респонденту новой информации, а в побуждении последнего к спонтанному, живому рассказу о своей жизни:

Исследователь: Э... раскажыце, калі ласка, пра тых падзеі Вашага жыцця, якія адбыліся у Вас за апошнія 5–6 гадоў.

«Нормальное» развитие событий предполагает, что нарратор будет не просто исполнять роль, но и подыгрывать исследователю. «Мы вместе делаем хорошее интервью» — таков лозунг представления. Мизансцена этого акта взаимодействия строилась так, что актер (нарратор) перед публикой (интервьюер) должен был произносить безупречные монологи, поскольку в противном случае «экспертная высота» вряд ли будет удержана и представление нельзя будет считать удавшимся. В то же время, хотя заданный исследователем вопрос в целом и соответствовал конститутивным ожиданиям исполнителя главной роли, он не содержал конкретных предписаний относительно логики, длительности и содержательной полноты монолога. В этом отношении вопрос, как и следовало из методических указаний по проведению нарративных интервью, был построен проективно.

Для актера-нарратора проективность вопроса означала указание на необходимость импровизации. Но любая импровизация, как известно, хороша тогда, когда она хорошо подготовлена. Нарратор быстро обнаруживает, что безупречный монолог вряд ли получится, и поэтому, чтобы внести большую определенность относительно способа понимания своего ответа, который с трудом «вычитывается» в заданном ему вопросе, он вводит «оправдание», которое выполняет скорее функцию интерпретации, управленческого действия, предлагающего интервьюеру схему понимания слов респондента:

Респондент: Ну наприклад... ну, даволі сумбурны/ну, (усмешка) я не падрыхтаваны, даволі сумбурны, можа, атрымаецца расказ, ну я буду проста падзеі пералічваць, а потым можа нейкія там высновы ці што, ну карацей, за апошнія 5–6 гадоў... Э-э... ну вось...

В пользу нашей гипотезы говорят: антиципирующая оценка нарратором формы повествования — «даволі сумбурны»; представление себя в качестве субъекта оценивания — «я не падрыхтаваны»; знак-просьба о снисходительности — усмешка; указание на замену жанра «безупречного монолога» жанром случайного перечисления событий — «ну я буду проста падзеі пералічваць».

Но главное, что мы можем видеть в данном фрагменте интервью, — это попытка нарратора определить ситуацию. То есть произносимый респондентом текст мы рассматриваем как действие нарратора по выведению ситуации из неопределенного состояния и возвращению ее к исходной договоренности — «последовательным ответам на последовательно задаваемые интервьюером вопросы». Этой цели должна соответствовать специфическая конструкция текста-высказывания: когда нет необходимости строить развернутое повествование о своей жизни, до-

статочен краткий, с нарушением хронологии и статуса повествовательных единиц, рассказ, который, за счет его сумбурности и смысловой непроясненности, побудит исследователя к «задаванию вопросов». Таким образом, приведенный далее фрагмент предлагается рассматривать не как «свидетельство», «жизненную историю», а как управленческое действие в ситуации, совершенное нарратором для ее переопределения. Отметим, что анализируемое поведение нарратора нельзя воспринимать как сознательное целерациональное действие. Приведем анализируемый фрагмент транскрипта интервью полностью.

Респондент: ...3 гады назад я паступіў у ліцэй, пасля таго, як я паступіў у ліцэй, э... я перамог рэспубліканскую алімпіяду па геаграфіі; вось, потым я... э... пазнаёміўся з дзяўчынкай, з якой сустракаюся, якую вельмі кахаю, вось; яшчэ вельмі змяніўся за апошнія 5–6 гадоў, э... ну... вось, раней я, вось, як бы вельмі шмат хлусіў, зараз я стаў больш шчырым, больш адкрытым, вось як бы; пачаў размаўляць па-беларуску; карацей... як бы... э-э... вось як бы такое, ну самае/такія самы/ну як бы зараз я магу/я зараз пакуль адчуваю, што я на самой справе, вось апошнія часы я магу на самой справе адчуваць, што я живу як бы, вось як бы мая лінія жыцця яна не такая прамая, а там ёсць як бы такія вялізныя уздымы, ёсць падзенні як бы, усё ёсць, мне цікава жыць, мне падабаецца жыць, вось... э-э у мяне як бы з'явіліся новыя сябры... вось; яшчэ, вось як бы, раней я заўважыў, што я размаўляў толькі пра нейкія такія матэрыяльныя рэчы, вось, як бы, а зараз... ну як бы вось мне трэба такія духоўныя, філасофскія размовы патрабую/патрабуюцца вось, потым яшчэ я зацікавіўся... у . там філасофіі, у гісторыю вось як бы, я зараз яш/ну асабліва у сваіх.. ну-у як бы.. ну гісторыя... індэ/ну вось увогуле пра энтагенез вось народаў вось, ну і зараз летам я збіраюсь напісаць сваю кнігу пра старажытныя цывілізацыі, пра філасофію вось... э-э ну карацей, у прынцыпе я магу ацаніць вось гэтыя... э-э 5–6 год як такія даволі станоўчы, плённы перыяд свайго жыцця.

Таким образом, мы имеем достаточно хорошую возможность видеть как в форме «*неудачного нарратива*» происходит коммуникативное переопределение ситуации. Якобы сумбурное повествование разделяется на отдельные фрагменты, которые обозначаются паузами и вставками: «ну», «вось». Нарратор делает небольшие остановки в повествовании, ставя интервьюера перед необходимостью задавать вопросы для сохранения исследовательской ситуации. Одновременно он демонстрирует стремление к качественному исполнению своей роли путем перечисления спектра самых разных тем, что должно создавать впечатление обширности и «глубины» рассказа, стремления нарратора быть искренним и информативным, говорить о всей жизни, а не вообще. «События жизни» описываются им так, чтобы в их отношении можно было принять различные версии того, каково понимание респондентом этой «жизненной событийности». Поскольку респонденту не до конца ясно, в чем должен состоять его рассказ, он предлагает исследователю «на выбор» различные варианты биографического повествования: хронологическое описание событий, внут-

риличностные изменения, изменения в отношениях с другими и пр. Иными словами, нарратор в одно и то же время определяет ситуацию интервью и оставляет ее открытой для возможных переопределений, которые могут последовать со стороны интервьюера.

Обобщая, можно сказать, что нарратор, заняв позицию «напротив» биографического повествования, произвел отбор необходимых для экспозиции «жизненных» эпизодов, необходимых ему для произведения ситуационных эффектов. Причем, как само помещение «напротив» биографической структуры, так и отбор значимых эпизодов связаны с характером его актуального взаимодействия с аудиторией (интервьюером). Этим актом рассказчик осуществляет самоустановление, и первым актом такого строительства становится, с одной стороны, общая концепция жизни, как, в нашем случае, «положительного, полноценного периода жизни», и, с другой стороны, общий образ деятельности по анализу своей жизни. Посредством генерального оценивания создается нарративный «горизонт» (целостность), который впоследствии будет выступать в качестве формы, с которой нарратору придется считаться.

Рассмотренный фрагмент нарративного интервью мы можем анализировать в перспективе двух осуществляемых типов работ: а) определения ситуации взаимодействия посредством управленческого воздействия на ситуацию; б) последующей самоорганизации посредством установления целостной концепции жизни. Причем последняя не является структурным образованием, подчиненным правилам формальной логики или литературного повествования. Перед нами логика событийной ценности, где события «делаются» на основании удобства их публичной экспозиции.

Следующий эпизод открывается «внутренним» (по Г. Розенталь) вопросом интервьюера:

Исследователь: Э... вось Вы казалі, што... э... 3 гады прайшло, як вы паступілі ў ліцэй. А можна э... больш падрабязней пра гэтыя падзеі расказаць?

Вопрос формулируется (и распознается) в рамках конститутивных ожиданий участников интервью, а это значит, что теперь коммуникативный ресурс может тратиться не столько на контроль границ ситуации, сколько на работу над исполнением сценического образа. И действительно, в этом акте взаимодействия нарратор выстраивает уже более связанный рассказ. Из него практически исчезают речевые конструктивы, оговорки, тематические тавтологии. Пафос успешности усиливается. Герой повествования

падаў дакументы ў самы апошні дзень, калі можна было, вось так выпадкова... за тры дні падрыхтаваўся і вось як бы легка здаў гэтыя іспыты.

Высказывание о случайности и легкости поступления в лицей призвано еще более подчеркнуть талантливость героя повествования, поскольку поступление в лицей было не самоцелью, а самоутверждением:

гэта не патрэбна было, проста каб веды свае праверыць.

Риторика идеализации себя может быть рассмотрена, как того требуют методические указания И. Гофмана, не только в контексте «хорошего исполнения», но и с точки зрения «социального влияния» на аудиторию (публику). Самоидеализация в этой связи может быть увидена как осуществление порядка ситуации — вертикальной динамики, ее структурирование путем «продвижение вверх» коммуникативной позиции в микросообществе «интервьюер—интервьюируемый». За счет самоидеализации нарратор создает для себя определенное коммуникативное преимущество и доступ к дополнительному контролю над ситуацией.

Рассмотрим случай ситуационной работы, названный нами «ответом “не на те” вопросы». К этой группе речевых приемов мы относим также такие феноменально наблюдаемые феномены, как многословие, смену регистра риторики (переход от я-высказываний к мы-высказываниям и наоборот), форсирование повествования, содержательные тавтологии.

Приводимый ниже эпизод интервью вызван к жизни «внешним» (по Розенталь) вопросом исследователя:

Исследователь: Мхм... Як вы лічыце, ці ёсць будучыня ў ліцэя?

Первоначальный ответ нарратора звучит довольно определенно:

Респондент: У ліцэя?.. Ёсць будучыня? Ну, я-я так... (усмешка) ну, калі браць так працэнт/працэнтныя суадносіны, то я думаю, што... 80, нават 70/ну, вось 70 працэнтаў — што няма, 30 — што ёсць. Ну, фактычна, вось...

Однако простое уточнение исследователя: «30 працэнтаў — што ёсць?» вызывает к жизни достаточно большое (относительно других актов) повествование, которое не столько отвечает на вопрос о будущем лицея, сколько на вопрос о том, почему этого будущего нет и какие действия необходимо совершить, чтобы это будущее у лицея было. Мы полагаем, что уточняющий вопрос исследователя был воспринят нарратором как проблематизация, как сомнение в его «нарративном господстве и ком-

петентности», которое установилось в процессе предшествующих рассказов о лицейской жизни. Вот почему высказывание принимает форму убеждающего действия. В повествовании присутствуют не столько обоснования точки зрения, сколько оценки, сделанные из морально-этической перспективы. Репрезентативно ориентированный аналитик мог бы предположить, что нарратором движет мотив значимости лица, его важности для личной перспективы рассказчика. Однако, поскольку нас интересует ситуация взаимодействия и экспрессия рассматривается в качестве функции этой ситуации, то мы скорее согласимся с утверждением Гофмана о том, что осуществляя экспрессивные высказывания «индивид стремится запечатлеть в головах других собственную веру в определенный образ реальности» (Гофман, 2000, 49). С этой точки зрения вопрос о «перспективах лица» достаточно выгоден для установления господства нарратора над своей аудиторией. Исполняя футурологическую функцию рассказчик имеет возможность для самых радикальных заявлений и критических противопоставлений. Аффективная заряженность данного нарративного фрагмента, его относительная лингвистическая избыточность свидетельствуют о стремлении нарратора оказать воздействие на исследователя, показав ему, что компетентное знание жизни лица должно легитимировать любые дальнейшие суждения по этому поводу. Респондент расширяет пространство допустимых высказываний, поскольку, чем меньше будет доступный для него диапазон коммуникативных действий, тем больше у него шансов оказаться несоответствующим тому определению ситуации, которое предположительно имеется у интервьюера.

Респондент: Да. (тихо до *) 30 — што ёсць (*). Ну, я проста... як бы/каб была будучыня ў ліцэя, вось, трэба каб у ліцэі адбіра/адбор веўся добры, ну не так, як зараз, вось як бы адбіраюць па ведах. Трэба, мне здаецца, не толькі па ведах адбіраць у ліцэй, яшчэ трэба глядзець на тое, размаўляе чалавек па-беларуску ў паўсядзённым жыцці ці не, э-э вось як бы, ён актыўны/ён, ну, можа нешта зрабіць ці ён проста будзе прыходзіць і вучыць урокі і проста рабіць усё для таго, каб нечаму навучыцца, а самаму нічога не зрабіць там, вось як бы не ўдзел/ну, проста.. ну, не люблю людзей, якія прыходзяць у ліцэй толькі для таго, каб вучыцца, трэба, ну, не ведаю, яшчэ там у нейкіх вечарынах удзельнічаць, ну, крыху актыў/актыўна, актыўна сябе праяўляць, вось, ну, і я лічу, што калі.. добрыя дзеці.. э-э/хаця гэта наўраці, вось я зараз бачу дзяцей, якія прыходзяць на э падрыхтоўчыя курсы і ну/не, усё ж такі мне здаецца няма будучыні ў ліцэя.. Можа пессімістычна, але вось, напрыклад зараз, я ведаю, калі я паступаў, вось, у першыя гады, калі ліцэй ствараўся, самы конкурс вялізны быў на паступленне ў ліцэй: там па 6 чалавек, па 4, па 3 чалавекі на месца, зараз, вось як бы, пакуль што, там, нават, аднаго чалавека на месца няма (тихо до *), ну, вось, я аб чым (*). Ну там (?? адно слова неразборліва) выпадковы ў ліцэі ёсць.. нічога не будзе... ну, не ведаю. Мне здаецца... адміністрацыя недастаткова/ну недастаткова актыўна сябе паводзіць, (тихо до *) каб нешта зрабіць (*). Мне здаецца, што проста (тихо до *) нейкая школа будзе, ці што, ну, не ведаю (*)... Мне

здаецца, што вось як бы, ліцэй можна параўнаць.. э-э.. вось як бы параўнаць э.. з якім-небудзь чалавекам, які, вось як бы так знешне вельмі прыгожа *апрануты*, там у яго прыгожая *вопратка*, а ўнутры, вось як бы, ён проста як бы загнувае, вось... (ціха да *) можа так. Таму што ну-у (*). Ні дзеці там.. мм.. ну.. ні пераважная большасць настаўнікаў, яны не/ну, нічога не робяць, увагуле... для таго, каб ліцэй жыў... А ліцэй/а дзякуючы там, напрыклад, 1, ці 2 ці 3 чалавекам ліцэй ну не можа жыць, трэба каб бол/ну, вось, увагуле, вельмі шмат навучэнцаў праяўлялі актыўнасць, як бы былі патрыётамі сваёй краіны, ну, не так, што вось зараз, напрыклад, сустракаю выпускнікоў ліцэя на вуліцы, размаўляю з імі, яны кажуць: “*Вось*”/ідуць такія ўсе *прапітыя*, такія нейкія ў дрэннай *вопратцы*, там, ну, не ведаю, такія, і кажуць: “Вось, ліцэй — гэта ўсё фігня, а вось там зараз ва ўніверсітэце, вельмі класна, вось, глядзі, якія ў мяне сябры” і там ля яго ідуць таксама некалькі алкашоў, вось, мне здаецца, такога не павінна быць... Я, канешне, аптыміст, я веру ў лепшае, але калі так лагічна ўсё аналізаваць, то мне здаецца, што няма будучыні.

Следуючы фрагмент інтэрв’ю і яго аналіз мы прыводзім у якасці прыкладу выкарыстання рэсурсу сітуацыі для самоарганізацыі наратара. Этому акту перадшэдуе «внутранні» пытанне даследчыцы аб першай любові гаварачыка, з якой той звязваў глыбокія перамены ў сваёй асобы. Апісваючы гэты ўчастак сваёй жыцця, гаварачык выкарыстоўвае катэгорыяльную пару «раней/цяпер». Даследчыца ўточняе:

Даследчыца: А цяпер гэта... можна удакладніць, калі цяпер і калі раней?

Пасля гэтага ўточняючага пытання наратар разварочывае адносна аб’ёмнае паведамленне, у якім зноў выяўляе сябе значнае колькасць канструктыўных рэчывых элементаў: «як... э», «... у-у... э...», «э... ну», «вось... а-а... ну» і т. п.

Рэспандэнт: Ну, вось цяпер, цяпер, вось як... э... пачаў сустракацца са сваёй дзяўчынкай, з таго часу я пачаў змяняцца, вось, ну і дзесьці... у-у... э... мінулыя зімкі вось я так, ну, ужо канчаткова вось зм/ну, як бы, ужо пераасэнсаванне жыцця, ужо іншыя крыху ідэалы, вось раней як бы для мяне..ну, вось, ідэ/ ну, вось, раней, вось, калі/ну вось да мінулай зімкі для мяне як бы такім ідэалам быў гэта чалавек, які мае нейкую мэту, і нават, вось як бы, каб дасягнуць гэтую мэту, ён гатовы там падспудна лігаць, там нешта вось такое рабіць, ну вось, такое, што супраць... э... ну, супраць/ну, супярэчыць як бы такому бласлаўнаму образу, вось... а-а... ну, у мінулыя зімкі, ну я сабе так канчаткова пераасэнсаванне вось як бы трываласці... ну, вось, як бы мерыць, дык нават вельмі змяніўся.

У даным фрагменце інтэрв’ю мы прапанавалі звернуць увагу на пытанне, заданае даследчыцай наратару. Калі перадшэдуныя пытанні патрабавалі ад гаварачыка длення апісальных дзеянняў:

Даследчыца: Э-э... увагуле... Вы казалі, што Вы змяніліся ў апошні час і сталі... больш шчыры, больш адкрыты, перасталі... хлусіць...

Рэспандэнт: ...так, так...

Даследчыца: ...можна крыху удакладніць, што Вы маеце... на ўвазе?

то теперь прозвучал вопрос, требующий конструктивности иного типа: «...можна удакладніць, калі цяпер і калі раней?». Рассказчик оказался перед необходимостью перестройки жанра выступления: перехода от рефлексивного к ретроспективному анализу. Теперь нарратор призван решать задачу на установление сложной системы отношений «прежде/теперь», обнаруживать логические основания для структурирования информации, размещения ее внешне непротиворечивым образом по структурным классам. То есть заданный вопрос потребовал от рассказчика осуществления классифицирующих действий. Такие действия означают смену коммуникативной установки: от внешне ориентированного высказывания (для другого) к речи ориентированной на себя. Создаваемый нарратив как раз и демонстрирует в своей композиции процесс такого перехода, в котором можно увидеть возрастание количества признаков эгоцентрической речи, речи центростремительного характера¹. Вопросом исследователя речь респондента помещается в поле их совместного обсуждения. Теперь оказывается важным не что нарратор имеет в виду, но что он сказал. Это ведет к смене жанра изложения. Таким образом, данное высказывание следует понимать не столько как сообщение (романтическое воспоминание), ответ на вопрос исследователя, сколько как ответное действие, порожденное уникальной ситуацией исследовательской интервенции.

Итак, среди речевых стратегий, которые нарратор использовал в ходе интервью для осуществления задач самоорганизации, установления согласия в дефиниции условий взаимодействия, трансформации или удержания необходимого определения ситуации, наш анализ выделил следующие их группы: речевые действия, направленные на организацию пространства взаимодействия, речевые действия, ориентированные на управление темпоральностью (последовательностью) коммуникации, коммуникативные действия по самоорганизации нарратора.

¹ Вот как описывает феномен эгоцентрической речи, резюмируя исследования Ж. Пиаже, Л. С. Выготский: «...Пиаже удалось показать, что эгоцентрическая речь обладает следующим свойством: она непонятна окружающим, если ее просто записать в протокол, т. е. оторвать от того конкретного действия, от той ситуации, в которой она родилась. Она понятна только для себя, она сокращена, она обнаруживает тенденцию к пропускам или коротким замыканиям, она опускает то, что находится перед глазами, и, таким образом, она претерпевает сложные структурные изменения» (Выготский, 1982, 52).

Обсуждение

В представленном анализе материалов биографического интервью мы стремились показать, что выделенный нами радикально-ситуационный интерактивный подход является не столько способом отношения к повествованиям, создаваемым в ситуации интервью, сколько стратегией отношения к самой исследовательской ситуации. Репрезентативный подход играет ту же самую роль. Это лишь во вторую очередь схема интерпретации высказываний, а в первую очередь это механизм их организации. Репрезентативный подход характеризуется тем, что он понимает ситуацию интервью как изначально, объективно разделенную на реальность исследователя и реальность исследуемого. Реальность исследуемого полагается внеситуативной по своей форме и выражающейся в высказываниях, которые он конструирует. Соответственно реальность исследователя, направляемая различного рода теоретическими и практически-соображениями, отделяется от реальности исследуемого и в лучшем случае учитывается как влияющая на последнюю. В отличие от такого понимания интерактивный подход рассматривает само разделение двух реальностей как результат определенного рода методологического решения или организационных действий участников коммуникации. В целом для используемой нами версии интерактивного подхода первичным исследовательским основанием выступает не разделение реальностей исследуемого и исследователя, а полагание ориентированности действий того и другого на целостное определение актуальной ситуации. И исследователь и исследуемый совместно координируют свои действия, чтобы создать «ситуацию интервью», которая затем уже будет подвергаться анализу. Повествование, конструируемое респондентом, тем самым не отражает его субъективную реальность, а является инструментом упорядочивания происходящего, включенным в серию других соотносимых с ним организационных средств.

При таком разнополагании закономерно возникает вопрос о том, каким образом можно (и можно ли вообще) устанавливать соотношение между двумя этими исследовательскими перспективами в рамках нарративных исследований. Как показывают наши теоретические изыскания, одно из решений проблемы соотношения состоит в постулировании их *дополнительности*. Предполагается, что «участники и аналитики не могут понять ни рассказанное содержание, представленное в высказывании, ни межличностное позиционирование, осуществляемое этим высказыванием, без принятия во внимание различных аспектов события рассказывания, в котором происходит повествование» (Wortham, 2001, 20). При

этом считается, что предмет анализа сохраняет в дополнительных перспективах свою идентичность или, по крайней мере, общий сегмент. Накладываясь, как форма, на материал, дополнительные стратегии лишь акцентируют его различные аспекты и помогают лучше понять специфику изложения. Разумеется, что в этом случае и содержание и эффекты взаимодействия участников исследования должны быть учтены, синтезированы в конечных выводах аналитика. «В случаях, которые включают параллелизм, у нас нет необходимости выбирать между доминирующим подходом репрезентации и подходом с точки зрения интеракции... В таких случаях автобиографический нарратив одновременно обеспечивает репрезентированным шаблоном и обеспечивает трансформирующее межличностное позиционирование» (*Wortham, 2001, 14*).

Второе решение связано с идеей *взаимоисключения* двух подходов. Например, утверждается, что интеракция влияет на объективность содержания сообщения, на котором сказываются усилия участников исследовательского взаимодействия (*Boni, 2004*). Некоторые исследователи говорят о преобразовании предмета изучения в процессе самого исследования, которое ведет к игнорированию интерактивных контекстов: «Рассмотрение речи как текста... требует от аналитика игнорирования ситуативной релевантности и способов производства коммуникативных действий; вместо этого детали того, что говорится, просто комментируются как иллюстрации заранее установленных дискурсов» (*Widdicombe, 1998, 204*). В других случаях содержательно тематическая сторона дела подчиняется интерактивной, преобразуясь, «снимаясь» в ней: «Интервьюер и респондент совместно конструируют значение нарративов, получаемых в интервью» (*Gubrium, 1995, 59*). Этой же позиции придерживается и Д. Роботам, для которого производство значений всегда обусловлено границами сугубо исследовательской ситуации. Он считает, что «несмотря на попытки наблюдателя как того, кто ведет записи, оставаться нейтральным во время интервью, исследователь лишь одним фактом своего присутствия будет влиять на динамику встречи... Пытаясь собирать данные, исследователь должен в процессе интервью включаться в различные социальные процессы и формы взаимодействия; интервью по сути представляет собой символическое взаимодействие... Вынесение вопросов за пределы контекста интервью, в котором они были произведены, может лишить их того значения, которое они имели во время интервью» (*Robotham, 2004, 226–227*).

Однако и тот и другой способы решения проблемы соотношения подходов могут оказаться неадекватными, поскольку они исходят из принципиальной симметричности обсуждаемых моделей, даже если допуска-

ется их альтернативность. Мы считаем, что репрезентативный и интерактивный подходы в рамках нарративных исследований не только *альтернативны*, но и *асимметричны*, они располагаются на несоизмеримых уровнях, относящихся к различным практическим структурам. Единственная область их пересечения — это область установления исследовательской ситуации, из которой выводятся те или иные соображения и в которой они разыгрываются, воплощаются. Однако феномен *асимметрии* не является характеристикой их объективной топологии. Уже само такое полагание имеет ситуационное происхождение, само по себе является принципом и практикой ситуационного подхода. С этой точки зрения дискуссия о дополнительности исследовательских стратегий может быть рассмотрена как инструментальный взгляд на выбор научного метода, который может быть реализован из некой третьей независимой позиции.

Напомним, что наш первичный интерес был вызван задачей изучения процессов идентификации у студентов, рассказывающих о своем опыте обучения. Применение репрезентативной стратегии помещало в фокус внимания процесс самоописания, рисовало картину накопления нарративного опыта посредством участия в образовательных ситуациях, обнаруживало механизмы установления связей между отдельными фрагментами жизненного опыта. Вывод, который был бы вправе сделать репрезентативно ориентированный нарративный исследователь, мог бы состоять в данном случае в фиксации особой значимости образовательной среды для формирования базовых самоописаний студентов. Исследователь же получил бы доступ к данной «студенческой реальности», если бы использовал ряд технических и концептуальных инструментов, позволяющих проникнуть за уровень простых лингвистических феноменов. Студент, при таком подходе, понимался бы как занятый выстраиванием повествования с помощью доступных ему культурных ресурсов, а исследователь — обнаружением принципов этого построения с помощью доступных ему научных ресурсов.

Интерактивная стратегия диктует иной взгляд на происходящее. Представление биографического рассказа оказывается ситуативным действием, т. е. действием, определяющим ситуацию и требующим совокупного участия всех ее действующих лиц. Мы видим не то, как в рассказах выражаются субъективные значения исследуемого, а как он вместе с интервьюером пытается достичь согласованности в осуществляемых действиях, что равносильно установлению определенного порядка ситуации. Если для репрезентативного подхода биографическое интервью было бы средством выявления механизмов влияния лица на само-

описание его студентов, то в интерактивной модели оно было бы способом и принципом их описания в данной ситуации. В первом случае идентичность студента в речи формулировалась бы как «Мой рассказ как студента лица»; во втором случае она имела бы форму «Мой рассказ в качестве участника интервью, рассказывающего о себе как о студенте лица».

Достаточно радикальные различия мы отмечаем и на «техническом» уровне. В репрезентативной перспективе, как известно, работа исследователя (на этапе сбора информации) строится главным образом как «вспоможение» в рождении рассказа. Это и «внимательное, эмпатичное и активное слушание», и умение «слушать, не задавая вопросов», и различные приемы «побуждения к продолжительному рассказу» (Розенталь, 2003). Данная оснастка весьма важна с точки зрения интереса к сообщаемой нарратором информации. Если нарратив краток, информационно недостаточен, то считается, что сбор информации осуществлен неудачно и направление корректировки последующих опытов опроса должно разворачиваться в сторону совершенствования техники интервью. В интерактивной же стратегии, когда в центр внимания помещается взаимодействие участников интервью, информативная сторона дела отходит на второй план, вернее интерес к ней определяется функцией высказывания в создании рабочей ситуации, а значит любое речевое действие обладает полноценной фактичностью. Если в репрезентативном подходе к биографическому интервью критерий полноты содержания имеет решающее значение, а дефицитарность высказывания рассматривается как негативная характеристика, то для интерактивного усмотрения начинается выстраиваться иная зона релевантности, где доминирует параметр социальной действенности.

Технические различия коррелируют с требованиями к позиции исследователя. Репрезентативно ориентированный ученый будет стремиться к неэкспансивному поведению, его коммуникативные интеракции располагаются внутри тематического поля биографа, а анализ содержания будет устанавливать последовательность и единство расположенных в тематическом поле рассказчика смысловых единиц. Словом, реконструкция нарративного повествования будет строиться как генетическая реконструкция, установление последовательности повествования с итоговым обобщением. С другой стороны, исследователь, делающий ставку на взаимодействие, будет стремиться активно использовать весь коммуникативный ресурс интервью для изучения режимов самоописания биографа. Его действия могут носить в том числе и провокационный характер, например, игры с правилами и ситуацией нарративного интервью. О том,

что содержательная установка в организации перцептивного поля исследователя будет заменена ориентацией на коммуникативное взаимодействие и его эффекты, мы уже говорили. Здесь лишь следует добавить, что, поскольку во взаимодействии и исследователь, и биограф достаточно активны, то установка исследователя носит в большей степени игровой, динамичный характер, реализует позицию участника, нежели наблюдателя, как в репрезентативной стратегии.

Таким образом, наше обсуждение позволяет нам увидеть репрезентативную и интерактивную ориентации в нарратологии не просто как различные модели исследования, которые по мере необходимости могут использовать в качестве исследовательского инструмента, а как стратегические ориентации, системы отношений, которым подчинены в том числе позиции самих исследователей. Обе выделенные ориентации представляют собой способы понимания и организации исследовательских ситуаций, включая поведение участников, используемые ресурсы, дискурсивные практики, коммуникативные формы и т. д., однако если для репрезентативного подхода ситуация исследования является само собой разумеющейся и в этом качестве становится отправной точкой для осуществления исследовательских действий, то в интерактивной модели исследовательская ситуация является конечным продуктом специфически организованного взаимодействия участников коммуникации. Динамика определения ситуации, методы и приемы ее упорядочивания, возникающие разрывы в понимании происходящего, способы поддержания достигнутого определения — все эти аспекты, обычно игнорируемые в нарративных исследованиях, но в то же время составляющие существенный элемент действий участников текущей ситуации, образуют предмет ситуационного анализа и могут радикально изменить наш способ концептуализации деятельности нарративных исследователей.

Заключение

В заключение необходимо остановиться на нескольких моментах. Проведенный нами анализ стратегий нарративных исследований строился по большей части на материале конкретного метода — биографического интервью. Соответственно исследовательская ситуация понималась как специфическим образом организованное взаимодействие двух людей. Однако необходимо помнить, что биографическое интервью — это лишь один из частных примеров исследовательских ситуаций. Его привлечение в качестве предмета обсуждения позволяет нам реактуализировать одну из дискуссионных тем методологии гуманитарного зна-

ния — философию практики исследования. Наше высказывание было попыткой присоединиться к разговору, инициированному Изабель Стенгерс, полагавшей, что современное исследование — «не самописание мира, а ответ на поставленные нами вопросы» (Стенгерс, 2003, 297). То есть речь идет не о проблеме все более осязаемого прикосновения к истине, а об условиях постановки самих вопросов, обнаружении мирозадающей функции научного вопрошания. В нашей работе мы смогли показать лишь некоторые аспекты конституирования высказываний гуманитарного ученого, но даже и их экспозиция, с нашей точки зрения, свидетельствует о более сложных предпосылках, организующих исследование действий, чем традиционно практикуемый анализ теоретических оснований проекта и используемых ученым инструментов.

В свете приведенных нами соображений, исследование перестает быть чисто познавательным актом и обнаруживает себя как практическое отношение, создающее специфическую жизненную форму, в которой только и возможно рождение так называемых «научных фактов». Вопрос об этой форме, как нам представляется, первичен. Методы, которые используются учеными для установления этого практического отношения, не совпадают с приемами, описываемыми в практических руководствах, в учебниках или во многих монографиях.

По существу дела, структура научно-исследовательского обоснования и методологического предпочтения опосредуется теперь новым уровнем анализа, который не может не рассматривать особую производительность, социальную эффективность научных стратегий. В нашем случае это производство качественно различных социальных порядков (форм общности). Репрезентативная стратегия, подчиняющая исследовательскую ситуацию целеполагающей воле ученого, замыкает пространство генерации смыслов в фиксированных границах, что во многом предопределяет практики производства научной фактичности и минимизирует случайность. Интерактивная стратегия делает пространство взаимодействия гетерогенным, открытым для переопределения и генерации незапрограммированных событий. Причем, если репрезентативная стратегия оставляет для нарратора и нарратолога минимум свободы для собственных изменений, то интерактивная закладывает возможность обоюдных трансформаций как принцип своей реализации. Этот принцип организации исследовательской практики, с нашей точки зрения, может быть распространен не только на различные типы опросных взаимодействий, но и на такие неспецифические формы научной активности, как написание статьи, выступление на конференции, разговор с коллегой и пр.

Использованные знаки транскрипции

...	Пауза (количество точек приблизительно передает секунды).
...((8))...	Более длинная пауза длительностью в 8 секунд.
((смех до *))	Невербальная активность, как, например, смех в данном случае, длящийся до знака (*) в соответствующем месте транскрибированного текста.
<u>всегда</u>	Акцентирование слова.
<i>прекрасно</i>	«Растянутая» речь.
благ/э...	Обрыв фразы или самокоррекция.

Литература

- Вебер, М.* Основные социологические понятия / М. Вебер; пер. с нем. М. И. Левиной // Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990. С. 602–643.
- Верч, Дж.* Голоса разума: социокультурный подход к опосредованному действию / Дж. Верч; пер. с англ. С. Ю. Спониора. М., 1996.
- Выготский, Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 5–361.
- Гарфинкель, Г.* Исследование привычных оснований повседневных действий / Г. Гарфинкель; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 42–70.
- Гофман, И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. Р. Е. Бумагина [и др.]. М., 2003.
- Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А. Д. Ковалева. М., 2000.
- Леонтьев, А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. / А. Н. Леонтьев. М., 1983. Т. 2.
- Московичи, С.* Социальные представления: исторический взгляд / С. Московичи; пер. с фр. Т. П. Емельяновой // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
- Парсонс, Т.* Структура социального действия / Т. Парсонс // О структуре социального действия / Т. Парсонс. М., 2000. С. 93–328.
- Пиаже, Ж.* Теория Пиаже / Ж. Пиаже; пер. с фр. С. Ю. Бильчугова // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. М., 2001. С. 106–157.
- Розенталь, Г.* Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь; пер. с англ. М. В. Лоскутовой // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2002. С. 322–355.
- Стенгерс, И.* События и истории познания / И. Стенгерс // Человек перед лицом неопределенности. М.; Ижевск, 2003. С. 287–301.
- Трубина, Е. Г.* Рассказанное Я: отпечатки голоса / Е. Г. Трубина. Екатеринбург, 2001.
- Уотсон, Дж. Б.* Психология как наука о поведении / Дж. Б. Уотсон // Бихевиоризм. М., 1998. С. 251–672.

Bonu, B. Procédures d'objectivation dans un entretien de recherche / B. Bonu // @ctivités. 2004. Vol. 1. № 2. P. 96–102.

Dhunpath R. Life history methodology: «narradigm» regained / R. Dhunpath // Qualitative Studies in Education. 2000. Vol. 13. № 5. P. 543–551.

Gergen, K. J. Realities and relationships: soundings in social construction / K. J. Gergen. Cambridge, 1999.

Gubrium, J. The active interview / J. Gubrium, J. Holstein. Thousand Oaks, 1995.

Habermas, Y. The theory of communicative action / Y. Habermas. Boston, 1984. Vol. 1.

Lawlor, M. Learning from stories: narrative interviewing in cross-cultural research / M. Lawlor, C. Mattingly // Scandinavian Journal of Occupational Therapy. 2000. Vol. 7. № 1. P. 4–14.

Lynch, M. Scientific practice and ordinary action: ethnomethodology and social studies of science / M. Lynch. Cambridge, 1993.

Malson, H. Fictional(ising) identity? Ontological assumptions and methodological productions of («anorexic») subjectivities / H. Malson // Lines in narrative: psychosocial perspectives; ed. by M. Andrews [et al.]. London, 2000. P. 150–163.

Richardson, L. Narrative and sociology / L. Richardson // Journal of Contemporary Ethnography. 1990. Vol. 19. № 1. P. 116–135.

Robotham, D. Using interviews in researching student learning: a true and valid account? / D. Robotham // Teaching in Higher Education. 2004. Vol. 9. № 2. P. 225–233.

Rosenthal, G. National identity or multicultural autobiography? Theoretical concepts of biographical constitution grounded in case reconstructions / G. Rosenthal // Narrative studies of lives; ed. by A. Lieblich, R. Josselson. Thousand Oaks, 1997. Vol. 5. P. 21–39.

Suchman, L. Plans and situated actions: the problem of humane—machine interaction / L. Suchman. Cambridge, 1987.

Swidler, S. A. Contextual conflicts in educators' personal experience narratives / S. A. Swidler // Qualitative Studies in Education. 2000. Vol. 13. № 5. P. 553–568.

Widdicombe, S. Autobiography and change: rhetoric and authenticity of «Gothic» style / S. Widdicombe // Discourse analytic research: repertoires and readings of texts in action; ed. by E. Burman, I. Parker. London, 1993. P. 94–113.

Widdicombe, S. Identity as an analysts' and a participants' resource / S. Widdicombe // Identities in talk; ed. by C. Antaki, S. Widdicombe. London, 1998. P. 191–206.

Widdicombe, S. The language of youth subcultures: social identity in action / S. Widdicombe, R. Wooffitt. Hemel Hempstead, 1995.

Wortham, S. Narratives in action / S. Wortham. New York, 2001.

Zimmerman, D. H. Identity, context, and interaction / D. H. Zimmerman // Identities in talk; ed. by C. Antaki, S. Widdicombe. London, 1998. P. 87–106.

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Под редакцией

А. М. Корбута, А. А. Полонникова

**МИНСК
БГУ
2008**

УДК 378.016(082)
ББК 74.58я43
А64

Серия основана в 2006 г.

Р е ц е н з е н т ы:

доктор педагогических наук, профессор *И. И. Казимирская*;
доктор психологических наук, профессор *Е. С. Слепович*

Анализ образовательных ситуаций: сб. научн. ст.; под ред.
А64 А. М. Корбута и А. А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2008. – 260 с. –
(Образовательные исследования).
ISBN 978-985-445-911-8.

В сборнике представлены научные работы, посвященные проблеме исследования учебных ситуаций в высшем образовании. На материале конкретных занятий рассматриваются вопросы институционализации образовательных практик, конструирования учебной коммуникации, трансформации позиций преподавателя и студента, дискурсивных механизмов организации учебных взаимодействий.

Для преподавателей университетов, ученых, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 378.016(082)
ББК 74.58я43

© БГУ, 2007

ISBN 978-985-445-911-8